
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-12-111-121

EDN: KTEQJH

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЛИКТНОГО ПОЛЯ В АБХАЗИИ: СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

© 2024 г. С.М. Маркедонов

МАРКЕДОНОВ Сергей Мирославович, кандидат исторических наук,
ORCID 0000-0003-2298-9684, smarkpost@gmail.com

Институт международных исследований МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76.

Статья поступила 26.07.2024. После доработки 28.08.2024. Принята к печати 23.09.2024.

Аннотация. В статье предлагается новый подход к рассмотрению генезиса и динамики конфликтов в Абхазии. В соответствии с теоретическими построениями П. Бурдье автор исследует абхазский кейс как конфликтное поле. Оно представлено в виде взаимодействия, конкуренции и конфронтации различных игроков с середины XIX до первой четверти XXI в. По мнению автора, конфликтное поле в Абхазии не тождественно грузино-абхазскому противостоянию времен советского распада, дезинтеграции Российской империи или конфронтации между РФ и Западом за доминирование на Южном Кавказе. В формировании абхазского конфликтного поля автор выделяет несколько поворотных моментов. Они связаны с радикальной реконфигурацией регионального порядка, изменением этнодемографического баланса, национальным самоопределением и конкуренцией различных государственных проектов за доминирование на абхазской территории. В статье прослеживаются взаимосвязи между изменением регионального порядка в Кавказском регионе в середине – второй половине XIX столетия, грузино-абхазским этнополитическим конфликтом и развитием Абхазии как частично признанного образования под российским военно-политическим патронажем.

Ключевые слова: конфликтное поле, Абхазия, Россия, Грузия, национализм, сепаратизм, махаджирство, идентичность, Южный Кавказ, самоопределение.

TRANSFORMATION OF THE CONFLICT FIELD IN ABKHAZIA: CONTEMPORARY POLITICS AND HISTORICAL CONTEXT

Sergey M. MARKEDONOV,
ORCID 0000-0003-2298-9684, smarkpost@gmail.com

Institute for International Studies at MGIMO University, 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Received 26.07.2024. Revised 28.08.2024. Accepted 23.09.2024.

Abstract. Since the Soviet Union disintegration, the South Caucasus has become one of volatile parts in Eurasia. Although now it has found itself in the shadow of Ukraine, the events of 2020–2023 in Nagorno-Karabakh attracted political as well scholarly attention to this region. Today we observe the shaping of the new South Caucasus regional order, when some familiar alliances are experiencing crises, while others, on the contrary, are significantly strengthening. Against this background, the situation in Abkhazia looks, at first glance, static. However, it cannot be treated as a breakthrough in the conflict resolution. Until now, this partly recognized entity represents a set of contradictions and collisions. While the Georgian influence is not so serious, the growing impact of the Russian economic and military assistance has established a dilemma between the national self-determination and deepening integration with Russia. This situation of apparent stability opens up a good opportunity to study the conflict dynamics in Abkhazia through the prism of new approaches. The Abkhazian case is well-studied in the scholarly literature and therefore discovery of new research niches is a difficult task to implement. At the same time, the vast majority of scientific works are distributed across various disciplinary areas (history, ethnology and ethnopolitical science, international relations and international law) or focus on narrow chronological periods. Hence the formation of a research phenomenon, defined as the predominance of “detailing” over the “system”, empirics over generalizations and synthesis. This article proposes a new approach to considering the genesis and dynamics of conflicts in Abkhazia. In accordance with the theoretical approaches of P. Bourdieu, the author examines the Abkhaz case as a conflict field. It is studied as interaction, competition, and confrontation among various players from the mid-19th to the first quarter of the 21st centuries.

Keywords: conflict field, Abkhazia, Russia, Georgia, frontier, nationalism, identity, South Caucasus, self-determination.

About author:

Sergey M. MARKEDONOV, Cand. Sci. (History), Leading Researcher.

КАВКАЗСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ И АБХАЗСКАЯ КОНФЛИКТНАЯ ДИНАМИКА

В последние годы существования Советского Союза Южный Кавказ стал одним из самых турбулентных и небезопасных регионов Евразии. Большинство конфликтов, сопровождавших распад некогда единого государства, имело место именно в Кавказском регионе [1]. Здесь же возникло и рекордное количество де-факто образований (до 2014 г. больше половины общего числа постсоветских республик с “проблемным” суверенитетом). Кавказская этнополитическая динамика во многом стала модельной и для других регионов бывшего СССР. Конфликты в разных точках Южного Кавказа воочию продемонстрировали, что раздел “советского наследия” на основе принципа *uti possidetis juris*, то есть размежевания в строгом соответствии с границами союзных республик, трудно реализуем на практике. Именно в Кавказском регионе был создан прецедент международной легитимации бывших советских автономных образований [2]. Впрочем, позднее здесь родился и другой прецедент – ликвидации сепаратистского (ирредентистского) проекта и успешного восстановления территориальной целостности государства [3].

Турбулентность Южного Кавказа способствовала активному вовлечению в региональные процессы внешних игроков [4]. При этом интернационализация происходящих здесь конфликтов не сводилась к локальному ремейку холодной войны в виде противостояния России и Запада. Свои интересы на Кавказе, не во всем и не всегда совпадающие с подходами Москвы, Вашингтона и Брюсселя, обозначили также Турция, Иран, Китай, Индия и другие игроки. И хотя в 2014 г. с началом вооруженного противостояния в Донбассе Кавказский регион оказался в тени Украины, события 2020–2023 гг. в Нагорном Карабахе снова подняли его международную значимость. Сегодня мы видим формирование нового статус-кво в регионе, когда некоторые привычные альянсы (Россия–Армения, НАТО–Грузия) переживают кризис, а другие (Турция–Азербайджан), напротив, значительно укрепляются [5].

На этом фоне ситуация в Абхазии и вокруг нее представляется на первый взгляд статичной. После того как Россия 26 августа 2008 г. признала ее независимость, а элиты и население республики получили со стороны Москвы надежные

гарантии безопасности и экономического восстановления, влияние РФ здесь значительно укрепилось. Официальный Тбилиси отказался от реализации на практике идей реванша, то есть “восстановления территориальной целостности” путем военных операций. Запад, хотя и не признал “новой нормальности”, по сути, согласился с абхазской “особостью”. Произошла де-факто заморозка евро-атлантической интеграции Грузии, причем задолго до начала специальной военной операции России на Украине. Таким образом, военно-политический баланс сил, сложившийся в этой части Кавказа в 2008 г., основательно “закементировался”.

Однако было бы неверным отождествлять сегодняшнюю абхазскую стабильность с полноценным мирным урегулированием. Во-первых, Грузия не считает вопрос о статусе Абхазии окончательно разрешенным не в свою пользу. Во-вторых, права Тбилиси по-прежнему поддерживаются подавляющим большинством государств – членов ООН (включая не только страны, определяемые российскими властями как недружественные, но и важных партнеров Москвы – КНР, Индию, Иран). В-третьих, диверсификация грузинского внешнеполитического курса и отказ Тбилиси от “открытия второго фронта” против Москвы на фоне нарастающей конфронтации между Россией и Западом оставляют определенные возможности для грузино-российской нормализации. Тем более что Москва после нескольких лет практически полной “заморозки” двусторонних отношений приняла решение об отмене виз для грузинских граждан, открытии прямого авиасообщения, а также об отказе от маркирования Грузии как страны, нерекомендованной к посещению.

Очевидно, если грузино-российская “разрядка” наберет обороты, вопрос об определении статуса Абхазии неизбежно станет приоритетной темой в диалоге между Москвой и Тбилиси, а в будущем нельзя исключать, что и между Россией и Западом. Как следствие, может быть актуализирован вопрос о возможной geopolитической “сделке” между РФ и Грузией за счет Абхазии ради укрепления позиций Москвы на Южном Кавказе.

Впрочем, конфликтное урегулирование в Абхазии несводимо к формату российско-грузинских отношений, а также к “большой geopolитике”. Внутриабхазского общества и политикума мы наблюдаем серьезную реприоритизацию. В цен-

tre общественной дискуссии оказывается не борьба за самоопределение от Грузии, а “цена вопроса” при выстраивании асимметричного стратегического союза между РФ и Абхазией. В фокусе внимания – вопросы доступа россиян к абхазским ресурсам, формирования и принятия политических и управлеченческих решений по вопросам совместных интересов, равноправия союзников. В рамках этой дискуссии новое прочтение получают и исторические сюжеты (вхождение Абхазии в состав Российской государства, Лыхненское (“странное”) восстание 1866 г., махаджирство). При этом интерес к ним диктуется скорее не столько академическими, сколько общественно-политическими причинами. Сегодняшние этнодемографические проблемы трактуются прежде всего как долгоиграющие негативные последствия Кавказской войны и многолетней российско-турецкой конфронтации в регионе [6].

Сегодня в абхазском истеблишменте (властном и оппозиционном) и обществе отсутствует конкуренция “геополитических проектов”, а пророссийский выбор объединяет даже самых жестких оппонентов – вроде президента А.Г. Бжании и его предшественника Р.Д. Хаджимбы. Однако в отношениях между Россией и Абхазией имеют место сложные коллизии. Проявляются они в первую очередь при поиске и определении оптимальных моделей постконфликтного развития республики и касаются широкого спектра вопросов – от двойного гражданства до доступа россиян к абхазской земельной собственности [7].

В этой связи чрезвычайно востребованной представляется новая объяснительная модель конфликтной динамики в Абхазии, которая выходила бы за хронологические рамки позднесоветского времени и первых постсоветских лет и охватывала бы период с середины XIX столетия до наших дней.

Масштабные общественно-политические трансформации в позднем СССР обострили дискуссии о национально-государственном самоопределении Грузинской ССР, усилили противоречия между руководством Грузии и Абхазии, союзным центром и Тбилиси. Распад единого государства фактически оставил грузинскую и абхазскую стороны один на один без модератора в виде центральной власти, которая долгие годы обеспечивала хрупкий статус-кво в регионе. Между тем все основные вопросы конфликт-

ной повестки (языковая и переселенческая политика, этническое представительство во власти, правовое положение автономного образования в составе союзной республики) были сформированы задолго до горбачевской перестройки, свидетельством чему являются регулярные сходы, протестные акции, кампании по сбору подписей, проходившие в 1930–1970-е годы и в Сухуме, и в Тбилиси, и в других населенных пунктах Абхазской АССР и Грузинской ССР [8]. Но и эти противоречия вызревали не один год. Дискурсы “своей” идеальной Абхазии (радикально противоположные по содержанию) формировались еще в начале прошлого столетия. Революционные потрясения на просторах Российской империи, а затем и ее распад способствовали переходу латентных конфликтов в открытые вооруженные противостояния за этнонациональное самоопределение.

Но и упомянутые выше дискурсы формировались не в вакууме. Значительное воздействие на них оказали завершение русско-османского соперничества за Кавказ и интеграция Абхазского княжества в состав Российской государства. Именно тогда, с середины XIX до начала XX в., этническая композиция Абхазии претерпела значительные изменения [9]. С распадом же Российской империи, выступавшей, как и позднее СССР, арбитром в межэтнических спорах, имевшиеся противоречия вылились в открытый конфликт. И лишь “советизация” Южного Кавказа привела к новому “генеральному межеванию” в регионе, обеспечившему политico-правовой и военно-политический статус-кво на протяжении неполных семи десятилетий. Однако и этот баланс сил устраивал далеко не всех. С ослаблением и последующей дезинтеграцией союзного государства латентные проблемы и противоречия вышли на поверхность.

Таким образом, мы считаем необходимым проследить взаимосвязь между геополитической реконфигурацией Кавказа второй половины XIX в., различными фазами грузино-абхазского этнополитического конфликта в периоды имперского и советского распадов и современным этапом национально-государственного самоопределения Абхазии под российским патронажем. Основной исследовательский вопрос нашей статьи можно сформулировать следующим образом: как и почему различные по природе, происхождению, интенсивности и составу участников межгосударственные и межэтничес-

ские противостояния на территории современной Абхазии сформировали общее конфликтное поле? Ответ на него позволил бы лучше понять своеобразие ситуации в Абхазии в сравнении с другими конфликтами на Южном Кавказе.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ И БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Политическая история Абхазии и актуальные процессы в частично признанной республике имеют внушительную академическую историографию, не говоря уже о многочисленных экспертно-аналитических докладах. На первый взгляд эта проблематика досконально изучена, а открытие новых исследовательских ниш – сложно реализуемая задача. В то же время подавляющее большинство научных работ по абхазской проблематике распределено по различным дисциплинарным направлениям (история, этнография и этнополитология, международные отношения и международное право) или фокусируется на узких хронологических периодах. Как следствие, сформировался исследовательский феномен, который американский конфликтолог Д. Сингер (1925–2009 гг.) определил как преобладание “детализации” над “системой”, эмпирики – над генерализациями и синтезом [10].

Мы можем выделить ряд фундаментальных исторических исследований, посвященных инкорпорированию Абхазии в состав Российской государства, генезису грузино-абхазского конфликта и советской национальной политике в Грузинской ССР и Абхазской АССР [8, 11, 12, 13]. Необходимо особо отметить коллективную академическую монографию “Абхазы”, специально посвященную этнической истории этого народа, а также этнополитическим процессам на территории современной Абхазии [14]. Отдельный корпус работ посвящен генезису постсоветской абхазской де-факто государственности, перспективам ее международной легитимации, а также воздействию внешних сил на внутриполитические процессы в Абхазии в период с 1991 г. по настоящее время [15, 16, 17, 18]. Следовательно, изучение конфликтной динамики в Абхазии требует междисциплинарной систематизации, преодоления хронологических и отраслевых перегородок, сложившихся в научной литературе.

В нашей статье мы основываемся на теории поля, представленной французским мыслителем

П. Бурдье (1930–2002) в его исследованиях по социологии политики и культуры. Он предлагал рассматривать социальный мир как многомерное пространство. При этом каждое его измерение (экономическое, политическое, культурное), по мнению ученого, можно представить в виде определенного поля взаимодействующих игроков, как особое место отношений и “борьбы, направленной на трансформацию этих отношений, а следовательно, место непрерывного изменения”. Структура поля, по Бурдье, – это баланс сил “между субъектами, вовлеченными в борьбу” [19, с. 75].

Рабочая гипотеза нашей статьи базируется на предположении, что конфликтное поле в Абхазии не тождественно грузино-абхазскому противостоянию времен советского распада или дезинтеграции Российской империи. Тем более его не следует трактовать как фрагмент геополитической конфронтации между Россией и Западом. Абхазское конфликтное поле возникло раньше, чем на Кавказе утвердился националистический дискурс, его истоки следует искать в борьбе двух крупнейших империй Евразии – Османской и Российской – за доминирование в Черноморском регионе.

Именно тогда были завязаны многие проблемные узлы, актуальность которых сохраняется и сегодня. Так, любая дискуссия об абхазской национальной и внешнеполитической идентичности сегодня выстраивается вокруг проблем этнодемографической безопасности. Отсюда и свойственный многим высказываниям алармизм (так называемое проклятие восемнадцати процентов). Согласно данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., этнические абхазы на территории Абхазской АССР в составе Грузинской ССР составляли около 18% общей численности населения. Между тем истоки данной проблемы напрямую связаны с изменением этнической композиции Абхазии после упразднения Абхазского княжества (1864 г.), Лыхненского восстания (1866 г.), начала активного заселения и хозяйственного освоения этой страны. Все эти процессы, каждый по отдельности и все вместе, были засвидетельствованы с утверждением непримиримых националистических нарративов и представлений о коллективной этнической собственности на “свою Абхазию” [8, 9, 14, 16, 17].

Следовательно, конфликтное поле Абхазии значительно шире и по составу игроков, и по количеству возникавших споров, противоречий и конфронтаций. Фактически оно состоит из не-

скольких конфликтов, каждый из которых имеет свою собственную логику. Но в определенных точках различные конфликтные линии пересекаются, накладываются друг на друга. Противоречия, возникавшие в одну историческую эпоху при одном наборе проблем, противников и союзников, оказывают прямое или косвенное воздействие на генезис последующих конфликтов.

В формировании абхазского конфликтного поля мы выделяем пять поворотных моментов. Первый – завершение османского доминирования на Кавказе, утверждение российской гегемонии, в результате чего стало возможным инкорпорирование Абхазии в состав России. Второй – распад Российской империи, появление первых закавказских наций-государств и конфликт этнонациональных самоопределений. Третий – процесс советизации, диалектически сочетающий в себе интернационалистские и национализирующие практики. Четвертый – дезинтеграция СССР и появление на его обломках независимых наций-государств. Главной проблемой на этом пути стал вопрос о лимитах на самоопределение. Должно таковое ограничиваться принципом *uti possidetis juris* или, наоборот, распространяться не только на бывшие союзные республики, но и на автономные образования? Пятый – признание независимости Абхазии Россией и возникновение новой дилеммы: отстаивание своей особой национальной государственности под патронатом Москвы или медленная, но неуклонная интеграция в состав РФ.

История конфликтного поля Абхазии представляет собой постоянную смену государственных суверенитетов над спорной территорией, изменение статусов, лояльностей, идентичностей, политических альянсов. Если для Российской империи на протяжении нескольких десятилетий абхазы были “виновным народом”, а грузинский нобилитет и колонисты рассматривались как союзники и проводники ее влияния, то для сегодняшней РФ Абхазия – стратегический партнер. При этом на протяжении всего постсоветского периода отношения между Москвой и Сухумом не были константой, переживали взлеты и падения, определялись, как минимум, тремя факторами: безопасностью внутри российских северокавказских республик, динамикой отношений между Россией и Грузией, а также между Россией и Западом [17, 20].

Впрочем, территория Абхазии никогда не была лишь ареной соперничества различных

внешних игроков. Абхазские государственные образования, существовавшие в различных формах (Абхазское княжество, Абхазская АССР, де-факто независимая республика Абхазия без признания и частично признанное государство с оспариваемым суверенитетом), всегда претендовали на собственную субъектность, отстаивали ее в разных политико-правовых и военно-политических формах.

Таким образом, в Абхазии в течение последних полутора веков мы наблюдаем существование устойчивого конфликтного поля. Меняется этническая композиция страны, исчезают одни акторы (конфликтующие стороны) и появляются новые, возникают разные предметы споров и противоборств. При этом вновь возникающие конфликты зачастую вырастают на основе прежде не урегулированных проблем, невылеченных этнических и национальных травм. В итоге вместо разрешения старых конфликтов происходит их трансформация. И это конфликтное взаимодействие многие годы реализуется вне четко установленных государственных границ, которые принимались бы всеми заинтересованными игроками.

МЕЖДУ ИМПЕРСКИМИ РАЗЛОМАМИ И СОВЕТСКИМ РАСПАДОМ

В нашем исследовании в качестве исходной точки формирования конфликтного поля в Абхазии мы рассматриваем 60-е годы XIX столетия. В это время на Кавказе произошли значительные геополитические реконфигурации, определившие траектории развития этого региона на десятилетия вперед. Завершилось трехвековое доминирование Османской империи, оно сменилось гегемонией России. После победоносного завершения Кавказской войны (при всех имеющихся издержках) Российской империи удалось объединить под своей властью и Северный, и Южный Кавказ.

Впервые в истории абхазские элиты и абхазский народ оказались под российским суверенитетом. В середине 60-х годов XIX в. сформировалась “территория современной Абхазии (с Самурзаканью и Сухумом)” [21, с. 399]. С этого времени фактор России (в разных формах ее государственного бытия) стал для Абхазии и абхазов одним из определяющих, хотя на разных этапах российско-абхазские отношения складывались “весьма непросто и временами неод-

нозначно” [7, с. 451]. Именно действия России в спектре от подавления восстаний, введения санкций до военно-политической поддержки и признания национальной независимости имели решающее значение для судеб Абхазии.

В 1860–1870-е годы произошло радикальное изменение этнодемографической ситуации, которое самым существенным образом повлияло на формирование абхазского конфликтного поля. Около 80 тыс. этнических абхазов покинули пределы своей исторической родины [12; 21, сс. 402-403]. Для абхазского национального историко-политического нарратива события 1860–1870-х годов по степени эмоционально-психологического воздействия могут сравняться разве что с вооруженным конфликтом с Грузией в 1992–1993 гг.

Трагедия махаджирства на протяжении всего советского периода была предметом постоянной рефлексии как в кругах партийной элиты Абхазии (на эту тему высказывался даже харизматический первый председатель абхазского Совнаркома Н.А. Лакоба (1893–1936 гг.)), так и в интеллигентской среде. Все известные публичные обращения республиканских интеллигентуалов к Москве (1977, 1988 гг.) наряду с критикой проявлений “грузинского шовинизма” неизменно поднимали “махаджирский вопрос” [18, сс. 160-162]. В марте 1993 г., когда еще не завершился вооруженный конфликт с Грузией, а абхазская столица Сухум не была освобождена от грузинских войск, был создан Госкомитет Абхазии по репатриации. И хотя сегодня и привластные, и оппозиционные абхазские политические элиты говорят о России как стратегическом союзнике республики, а на высшем уровне обсуждается ее вхождение в Союзное государство РФ и Белоруссии, 21 мая каждый год в Абхазии отмечается День памяти жертв Кавказской войны. Репатриация абхазов – потомков махаджиров в постсоветский период не стала массовой, однако данный вопрос остается по-прежнему актуальным политическим сюжетом.

Кроме того, резкое изменение этнодемографического баланса в Абхазии, совпавшее по времени с отменой крепостничества в империи в целом и на Кавказе в частности, сделало возможным решение проблем малоземелья для грузинских крестьян за счет их переселения на опустевшие территории. Оговоримся сразу: политизированный националистический взгляд на грузин как на “чужаков” и “новопришлых”

в Абхазии мы не считаем корректным с научной точки зрения. Они издавна составляли значительную часть населения этой страны, особенно в Самурзакани [21]. Но грузинское заселение абхазских земель в 1890-х – начале 1990-х годов имело ряд принципиальных отличий. Прежде всего оно происходило на фоне активного распространения националистических настроений в среде грузинского нобилитета и интеллигенции. Формирование абхазского национализма происходило с определенным стадиальным отставанием в силу двух базовых причин. Прежде всего играл роль социальный фактор: грузинское население было в большей степени урбанизировано и имело на тот момент более высокий образовательный уровень. Стоит также отметить, что Тифлисская и Кутаисская губернии (ставшие территориальной основой будущего Грузинского государства) занимали высшие места среди всех территорий Российской империи с точки зрения доли дворянского сословия в составе населения, но их экономика при этом не давала достаточно-го дохода [8]. Как следствие, актуализация темы грузинской “особости” вне имперского проекта.

Таким образом, к началу XX в. в абхазском конфликтном поле завязались три проблемных узла: первый – между российской властью и абхазами, второй – грузино-абхазский и третий – российско-грузинский. На протяжении большей части XIX и начала XX в. грузинские элиты были главным проводником интересов России на Кавказе. Однако по мере укрепления националистических настроений в их рядах ситуация стала меняться. На абхазском же направлении имперские власти пошли обратным путем: отказ от дискриминационных мер в пользу интеграции (снятие с абхазов коллективной вины, их прием на военную службу). Впоследствии эти три группы противоречий будут либо актуализироваться вплоть до перерастания в конфликты, либо, напротив, трансформироваться в позитивном направлении. Но именно они будут определять главные тренды в изменении структуры конфликтного поля в Абхазии вплоть до наших дней.

После распада Российской империи в Абхазии столкнулись интересы Грузинской Демократической Республики, Советской России и “белого движения” российского Юга во главе с генералом А.И. Деникиным [13]. Абхазия впервые стала частью не имперских проектов, а национального образования, в котором этничес-

ские абхазы не были “государствообразующим” народом.

Советизация Кавказа способствовала значительной трансформации абхазского конфликтного поля. С одной стороны, она привела к ликвидации первых национальных постимперских государственных образований, но с другой — им была дана новая политическая жизнь в виде союзных и автономных республик СССР. И в этих новых реалиях Грузия получила более высокий статус по сравнению с Абхазией, проигравшей борьбу за право быть отдельным субъектом Союза.

Ответом на национальную политику правительства Грузинской Демократической Республики стало появление особой версии абхазского национализма, в котором борьба за “свою землю” против поползновений “грузинских шовинистов” причудливым образом переплеталась с апелляциями к “интернационализму”. Объясняется это тем, что у абхазского национального движения не было сильного внешнего покровителя, с которым оно могло бы попытаться вместе реализовать ирредентистский проект. Большевистская Россия (а затем и СССР) при всех возможных издержках виделись абхазским интеллектуалам как гарант сохранения их национальной идентичности в составе республики с другой “титульной нацией”. Впоследствии еще одним парадоксом абхазского националистического дискурса стало сочетание “русофильства” (на протяжении 1930–1980-х годов абхазские элиты не раз озвучивали требования перехода Абхазской АССР из состава советской Грузии в РСФСР) с неприятием политики Российской империи [14, 15, 16, 18].

В советский период в центр конфликтного поля в Абхазии выдвинулось грузино-абхазское противостояние. Однако в новой социально-экономической и политико-правовой реальности самой острой проблемой здесь по-прежнему оставался этнодемографический баланс. Национальную политику в ГССР, как и советский курс на общесоюзном уровне, невозможно свести к единому знаменателю. В Грузии советских времен мы видим следование неким общим акцентам с поправкой на местную специфику. Так, в 1920-х — начале 1930-х годов на первый план выдвигаются практики “коренизации”, попытки опереться на интересы малых народов, тогда как с конца 1930-х — начала 1950-х годов более заметным становится стремление к унификации. В Абхазии в этот период фиксируют-

ся перевод абхазского алфавита на грузинскую графику, а также введение обучения в абхазских школах на грузинском и значительные топонимические изменения, “грузинизация” политики памяти (знаменитый труд филолога и историка П.И. Ингороква (1893–1983 гг.) об этногенезе абхазов), а также массовое переселение грузин из регионов “ядровой Грузии” [8, 14].

Следует оговориться, все эти действия грузинского руководства не были исключительно национализирующими практиками. Нередко (особенно в деле индустриализации и развития аграрного сектора) они диктовались экономическими соображениями, прежде всего банальным дефицитом рабочих рук [8]. Но в совокупности с дискриминационными действиями в сфере языка, мнемонической политики и образования они давали мультилинирующий эффект. Поэтому попытки смягчения жестких мер в период “оттепели” и “застоя” (когда на официальном уровне были признаны “перегибы” в “абхазском вопросе”) не смогли переломить негативные тренды. И тот факт, что доля абхазов с 1801 по 1989 г. сократилась с 80 до 18% (хотя численность возросла с 60 тыс. до 93 тыс. человек), а грузин — выросла с 20 до 46% на момент распада единого советского государства, помогает нам лучше понять уровень политической радикализации двух общин [9; 21, с. 402]. Негативный для абхазов демографический тренд, который наметился в дореволюционный период, во времена СССР не просто не изменился, он продолжился.

КОНФЛИКТНОЕ ПОЛЕ И ДИЛЕММЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Распад Советского Союза стал новой точкой трансформации абхазского конфликтного поля. Единый суверенитет над Южным и Северным Кавказом был разрушен, а национальное самоопределение прошло не в соответствии с теми границами, которые были установлены в период существования СССР. И это касалось не только Грузии, но и России. ЭтнотERRиториальный сепаратизм внутри РФ стал одним из важных факторов влияния на российские подходы в отношении кавказского направления в целом и особенно Абхазии.

Основным конфликтным трендом в постсоветской Абхазии было, безусловно, противостояние между новым независимым Грузинским государством и абхазским движением, попытав-

шимся осуществить сепарацию на базе властной инфраструктуры бывшей автономии. В дальнейшем сепарационистское образование превратится в устойчивое де-факто государство, которое выдержит несколько мощных стресс-тестов в спектре от санкций до попыток вооруженной “разморозки” конфликта и получит ограниченную международную легитимацию. В то же самое время постсоветская Грузия пройдет непростой путь от фактической несостоительности к внутренней стабилизации, но уже без “обременения” в виде бунтующих регионов.

Абхазскому национальному движению по итогам военного противостояния начала 1990-х годов впервые за последние полтора века удалось обеспечить выгодный для “титульной нации” этнодемографический баланс. Однако в Грузии (и в союзных ей государствах) не готовы признать эти реалии, видя в них этнократические проявления. Тбилиси настаивает на возвращении беженцев и вынужденных переселенцев грузинской национальности в места их довоенного проживания [14, 15, 21].

Признание абхазской независимости Россией в августе 2008 г. поставит “ревизионизм” Москвы в фокус дискуссий о постсоветском Кавказе. Оно оттенит всю сложность и неоднозначность российских действий на абхазском направлении в 1990-х – начале 2000-х годов. Между тем следует отметить, что и Сухум (а в 1992–1993 гг. Гудаута), и Москва прошли немалый путь преодоления взаимного недоверия и фобий в отношении друг друга. К моменту распада СССР абхазское движение воспринимало руководство РФ в качестве игрока, не готового играть роль медиатора в отношениях с Тбилиси, как это делал союзный центр. Причиной тому служил острый конфликт между руководством СССР и РСФСР в 1990–1991 гг. Как следствие, акцент Сухума на наращивании кооперации с северокавказским национальным движением в рамках Конфедерации горских народов Кавказа и, напротив, стремление РФ купировать негативные последствия советского распада признанием “беловежских” реалий (размежевания на основе принципа *uti possidetis juris*), а значит, и Грузии в границах ГССР.

Все это привело к формированию “много-полюсной” политики Москвы в отношении как Грузии, так и Абхазии (поддержка Тбилиси исполнительной властью России и проабхазские настроения в депутатском корпусе и рядах воен-

ных) [22, р. 209]. Во многом эти тренды предопределили введение российских санкций против Абхазии (де-факто в декабре 1994 г., а де-юре – в январе 1996 г., последние ограничения будут сняты лишь весной 2008 г.), а также попытки дипломатического принуждения Сухума к интеграции в состав Грузинского государства на особых условиях. В этом контексте особо важно отметить проект “общего государства”, предложенный в 1997 г., но не реализованный на практике.

Однако данный тренд в российской политике к началу 2000-х годов претерпел существенные изменения. Во-первых, сыграла свою роль определенная стабилизация на Северном Кавказе. Купирование сепаратистских угроз внутри РФ развязало руки Москве на внешнем контуре. Во-вторых, сказалось сближение между Грузией и Западом, резко интенсифицировавшееся после неудачных попыток Тбилиси военным путем сломать статус-кво в Абхазии весной–летом 1998 г. Эти изменения способствовали заметной трансформации абхазского конфликтного поля. Стремление грузинского руководства решить вопрос о восстановлении “территориальной целостности” в границах ГССР 1989 г. с опорой на внешние силы (США, НАТО, Евросоюз) способствовало укреплению альянса между РФ и двумя де-факто республиками, выстоявшими в огне вооруженных противостояний 1990-х годов. В случае отказа Запада от прямого вмешательства в конфликты у Тбилиси не было шанса на успех при столкновении с Москвой один на один. И поэтому попытки “разморозки” противостояния с Абхазией, предпринятые в 2001, а затем в 2006–2008 гг., не усиливали, а только ослабляли позиции Грузии в абхазском конфликтном поле.

Между тем решение Москвы о признании независимости Абхазии (как, впрочем, и Южной Осетии) откладывалось несколько лет, даже тогда, когда стало ясно, что Грузия наращивает свои контакты с НАТО и ЕС и ставит в качестве стратегической цели евроатлантическую, а не евразийскую интеграцию. Во многом этот шаг стал своеобразным “последним доводом королей” после того, как Тбилиси решил военным путем ускорить “собирание земель”.

Действия Москвы способствовали значительному переформатированию абхазского конфликтного поля. Элементы вооруженного противостояния уступили место полити-

правовым, политэкономическим и дипломатическим вопросам. Вопрос о военном реванше Грузии утратил свою актуальность. Пускай и в ограниченном виде, но был запущен процесс международной легитимации Абхазии. Правда, в этом случае с непростыми дилеммами столкнулась уже сама Россия. Ведь если бы процесс признания республики получил дополнительные импульсы, РФ лишила бы себя положения эксклюзивного союзника и, по сути, военно-политического патрона Сухума. Она должна была бы вступать в конкуренцию с другими проектами, предлагаемыми абхазской стороне. Как следствие, значительный скепсис в отношении предложений Евросоюза или Грузии по “вовлечению без признания”.

Значительное влияние на абхазское конфликтное поле после 2008 г. стали оказывать фоновые факторы. Ситуация на границах с Грузией была стабилизирована и перестала представлять сколь-либо значимую угрозу. Военно-политическое присутствие России на территории республики, а также процесс ее экономического восстановления стали надежными гарантами отказа от пересмотра статус-кво. Но нарастание конфронтации РФ с Западом, а также украинский кризис сделали Абхазию намного более тесно связанной с Москвой (и зависимой от нее), чем это было до ее признания [23].

На первый взгляд подобные выводы не лишены определенных оснований. Россия за последние полтора десятилетия нарастила свое присутствие в республике не только в военно-политической, но и социально-экономической сферах. Она играет роль медиатора и во время внутренних кризисов и противостояний. Однако при более глубоком рассмотрении мы можем увидеть и сохранение значительного объема политической самостоятельности. Так, до сих пор не разрешен окончательно вопрос о доступе граждан России к абхазской недвижимости. Гражданство республики, если это не касается этнических абхазов (абаза), также не представляется россиянам автоматически. Стоит заметить, что любой документ, касающийся двусторонних отношений, активно обсуждается политиками и общественниками, подвергается многочисленным правкам и корректировкам.

В 2023–2024 гг. наиболее острые дискуссии в обществе и в политических элитах вызывали законопроекты “О некоммерческих организациях и физических лицах, выполняющих функции

иностранных агентов”, “О регулировании правового статуса апарт-отелей и апартаментов”, а также российско-абхазское соглашение об инвестициях. Второй из упомянутых проектов был даже отзван из парламента “с целью снятия напряженности и сохранения стабильности в республике”.

Таким образом, в новых условиях снова актуализируется “вечный вопрос” абхазского конфликтного поля: как найти и соблюсти идеальный этнодемографический баланс. “Эхо” 1860-х и 1990-х годов в сегодняшнем политическом контексте – не просто красивая метафора. Критики проекта властей указывают на то, что при постоянном нахождении на территории республики внешних экономических игроков существует масса лазеек для того, чтобы получить абхазский паспорт и влиять на положение дел в Абхазии. Эксплуатируется и идея “ползучей грузинизации” (граждане РФ грузинской национальности могут войти в абхазскую социально-экономическую жизнь, а затем и претендовать на политическое влияние).

Законопроект об апартаментах и апартотелях – частное проявление более общих трендов. Происходит трансформация привычного социально-экономического уклада постсоветской Абхазии. В условиях ее ограниченного признания “открытие” республики будет, по сути, усилением российского присутствия и роли Москвы во внутриабхазских процессах. И здесь возникают непростые дилеммы. Замкнутость и изоляция Абхазии без внешних (читай российских) инвестиций будут лишь консервировать ее отсталость. При таких условиях никаких даже гипотетических надежд на широкое признание не останется. Скорее, увеличатся риски государственной несостоятельности. Но и форсированная политика “открытых дверей” без учета специфики местного политического сообщества и абхазского общества в целом несет с собой значительную опасность.

ВЫВОДЫ

Таким образом, абхазское конфликтное поле представляет собой сложное переплетение и наложение актуальных проблем, коллизий и противостояний недавнего и далекого прошлого. Хотя в фокусе внимания политиков и экспертов в последние три десятилетия оказались события советского распада и его последствия, ограни-

чивать абхазское конфликтное поле вооруженным противостоянием Абхазии и Грузии в 1992–1993 гг. или признанием Россией абхазской независимости не представляется возможным.

Формирование основных конфликтных узлов, сохраняющих актуальность и в наши дни, началось с середины XIX в., когда на Кавказе установилась российская гегемония, а Абхазия вошла в состав России. Такие проблемы, как сохранение выгодного этнодемографического баланса, национальное самоопределение, радикальное несовпадение этнонациональных проектов, во многом определяют политическую повестку на абхазской земле на протяжении последних полутура веков.

На конфликтном поле происходила постоянная смена игроков, переопределялись сферы влияния, одни проблемы актуализировались, а другие переставали быть приоритетными, сохранялась некая преемственность противоречий и противостояний. Так, радикальное

изменение этнической композиции Абхазии в середине – второй половине XIX столетия до сих пор отзыается эхом в актуальной абхазской повестке даже после частичного признания национальной независимости республики и обеспечения гарантий ее безопасности и социально-экономической реабилитации. За полтора века в Абхазии, вокруг нее и за нее ставились разнонаправленные интересы империй, национальных государств, негосударственных структур и общественных движений. Однако периоды стабильности, которая устраивала бы всех ключевых игроков и принималась бы как легитимная данность, были непродолжительными и достигались в результате жестких противостояний, а не путем компромиссных решений. И хотя по сравнению с другими конфликтами на пространстве бывшего СССР ситуация в Абхазии кажется стабильной и предсказуемой, говорить о полном закрытии конфликтного поля явно преждевременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Hunter S., ed. *The New Geopolitics of the South Caucasus*. Lanham. Lexington Books, 2017. 304 p.
2. Маркедонов С.М. Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 12, сс. 79-89.
3. Markedonov S. M. Post-Soviet De Facto States: Trajectories of Their Struggle for Sovereignty. *World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 12, pp. 79-89. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89>
4. Grigoryan A. Revolutionary Governments, Recklessness, and War: The Case of the Second Karabakh War. *Security Studies*, 2024, vol. 33, no. 3, pp. 1-35. Available at: <https://doi.org/10.1080/09636412.2024.2327316>
5. Kazantsev A., Rutland P., Safranchuk I., Medvedeva S. Russia's Policy in the "Frozen Conflicts" of the Post-Soviet Space: From Ethno-Politics to Geopolitics. *Caucasus Survey*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 142-162.
6. Neset S., Aydin M., Ergun A., Giragosian R., Kakachia K., Strand A. *Changing Geopolitics of the South Caucasus after the Second Karabakh War. Prospect for Regional Cooperation and/or Rivalry*. Bergen, C. Michelsen Institute (CMI), 2023, iss. 4. Available at: <https://www.cmi.no/publications/8911-changing-geopolitics-of-the-south-caucasus-after-the-second-karabakh-war#pdf> (accessed 06.09.2024).
7. Лакоба С.З. *Из века в век: Историко-культурные очерки*. Сухум, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.А. Гулиа, 2022. 416 с.
8. Lakoba S.Z. *From Century to Century: Historical and Cultural Essays*. Sukhum, Abkhaz Institute for Humanitarian Studies of D.A. Gulia, 2022. 416 p. (In Russ.)
9. Царев М.А. Российско-абхазские отношения сегодня: есть ли "болевые точки"? *Постсоветские исследования*, 2024, т. 5, № 7, сс. 448-458.
10. Tsarev M.A. Russian-Abkhaz Relations Today: Are There Any "Pain Points"? *Post-Soviet studies*, 2024, vol. 5, no. 7, pp. 448-458. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-abhazskie-otnosheniya-segodnya-est-li-bolevye-tochki/viewer> (accessed 06.09.2024).
11. Jones S. Georgia: Nationalism from under the Rubble. Barrington L.W., ed. *After Independence: Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2006, pp. 248-276.
12. Багапш Н.В. Этническая идентичность в Абхазии и парадигмы ее институционализации: от советского прошлого к настоящему. *Этнографическое обозрение*, 2021, № 5, сс. 113-129.
13. Bagapsh N.V. Ethnic Identity in Abkhazia and the Paradigms of Its Institutionalization: From the Soviet Past to the Present. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 5, pp. 113-129. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.31857/S086954150017418-9>

10. Singer J.D. The Level of Analysis Problem in International Relations. *World Politics*, 1961, vol. 14, no. 1, pp. 77-92. Available at: <https://doi.org/10.2307/2009557>
11. Басария С.П. *Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении*. Сухум-Кале, Издание Наркомпроса ССР Абхазия, 1923. 167 с. Basariya S.P. *Abkhazia in geographical, ethnographic and military terms*. The SSR Abkhazian People's Commissariat of Education, Sukhum-Kale, 1923. 167 p. (In Russ.)
12. Дзидзария Г.А. *Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия*. Сухуми, Алашара, 1982. 530 с. Dzidzariya G.A. *Mahajirism and problems of the history of Abkhazia in the 19th century*. Sukhumi, Alashara Publishing House, 1982. 530 p. (In Russ.)
13. Муханов В.М. *“Социализм виноградарей”, или История Первой Грузинской республики: 1917–1921*. Москва, Кучково поле, 2019. 928 с. Mukhanov V.M. *“The socialism of winegrowers”, or the History of the First Georgian Republic: 1917–1921*. Moscow, Kuchkovo Pole Publishing House, 2019. 928 p. (In Russ.)
14. Анчабадзе Ю.Д., Аргун Ю.Г., отв. ред. *Абхазы*. ИЭА РАН, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. Издание 2-е, исправленное. Москва, Наука, 2012. 547 с. Anchabadze Yu.D., Argun Yu.G., eds. *Abkhazians*. The Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, D.A. Gulia Abkhazian Institute for humanitarian studies. The 2nd Edition (revised), Moscow, Nauka, 2012. 547 p. (In Russ.)
15. Markedonov S.M., Tekushev I.F., Shevchenko K.V., eds. *Abkhazia between the Past and the Future*. Prague, Medium Orient Information Agency, 2013. 135 p.
16. Coppieters B. Domestic and International Sovereignty: The Disputes over the Status of Abkhazia, Northern Cyprus, and Taiwan. *Pathways to Peace and Security*, 2022, no. 1 (62), pp. 47-66. Available at: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2022-1-47-66>
17. Hewitt G., ed. *Abkhazia 1992–2022. Reflections on Abkhazia*. UK, Abkhaz World, 2022. 465 p.
18. Павлова А.В. Становление внешнеполитической идентичности де-факто государства: от самопровозглашения – к международно-правовой субъектности (казус Абхазии). *Международная аналитика*, 2024, т. 15, № 1, сс. 154-172. Pavlova A.V. The Rise of De Facto State's Foreign Policy Identity: From Self-Proclamation to International Legal Subjectivity. The Case of Abkhazia. *Journal of International Analytics*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 154-172. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-154-172>
19. Бурдье П. *Социология социального пространства*. Москва, Институт экспериментальной социологии, СПб., Алтейя, 2007. 288 с. Bourdieu P. *Sociology of social space*. Moscow, Institute for experimental sociology, SPB, Alethea, 2007. 288 p. (In Russ.)
20. Лакоба С.З. *Абхазия де-факто или Грузия де-юре? О политике России в Абхазии в постсоветский период, 1991–2001 гг.* Sapporo, Hokkaido University Slavic Research Center, 2001. 111 с. Lakoba S.Z. *Abkhazia de-facto or Georgia de-jure. On the Russian politics in Abkhazia in the Post-Soviet period, 1991–2001*. Sapporo, Hokkaido University Slavic Research Center, 2001. 111 p. (In Russ.)
21. Кабузан В.М. Динамика этнического состава населения Абхазии и Косово в XIX–XX вв. *Труды Института российской истории*. Вып. 10. Москва, ИРИ РАН, 2012, сс. 398-410. Kabuzan V.M. The Dynamics of the ethnic composition of the population of Abkhazia and Kosovo in the 19–20th centuries. *Proceedings of the Institute of Russian History*. Iss. 10. Moscow, Institute for Russian History, Russian Academy of Sciences, 2012, pp. 398-410. (In Russ.)
22. Antonenko O. Uncertainty: Russia and the Conflict Over Abkhazia. Coppieters B., Legvold R., eds. *Statehood and Security: Georgia after the Rose Revolution*. Cambridge, MA, 2005, pp. 208-217.
23. Платонова М.А. Де-факто независимые государства Кавказа: переосмысление терминологии. *Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 2012, № 1, сс. 98-101. Platonova M.A. De-facto Independent States of the Caucasus: Redefining the Terminology. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2012, no. 1, pp. 98-101. (In Russ.) Available at: <https://hfrir.jvolstu.com/index.php/ru/component/attachments/download/269> (accessed 12.09.2024).